

«Территория угрозы»: запрет общин гернгутеров в Лифляндии и местное общество в 1743 году*

Майя Лавринович

Независимый исследователь,
Хайфа, Израиль

“A Territory of Threat”: The Banning of the Herrnhut Communities in Livonia and Local Society in 1743**

Maya Lavrinovich

Independent Researcher,
Haifa, Israel

This article analyses the decree issued by Empress Elizaveta Petrovna on April 16, 1743, the first in the Russian Empire and targeting the Herrnhut Brethren Community. It has been mentioned in historiography but quoted from secondary sources and interpreted as a decree directed against the missionaries, even though J. Eckardt (1876) and, recently, O. Teigeler (2006) put it in the context of the history of the Herrnhut communities in Livonia. The author analyses the content and implementation of the decree of 1743 in the context of the development of the Herrnhut communities in Livonia, including the island of Ösel, in the 1720s–1730s. The documents of the investigative case against the Herrnhut communities preserved in the fund of the Secret Chancellery (RGADA) and partly copied in the investigation dossier compiled by the College of Justice for Livonia, Estland, and Finland and kept in the fund of the College of Foreign Affairs in AVPRI, reveal that by 1743, the St Petersburg authorities did not consider the sermon of the Herrnhut to threaten them or Orthodoxy, nor did they have any idea of the doctrine itself. First, the decree ordered that Countess von Zinzendorf be caught, as the purpose of her stay in St Petersburg in 1743 was unclear. Further, the decree of 1743 was not intended against the few missionaries

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

** Citation: Lavrinovich, M. (2023). “A Territory of Threat”: The Banning of the Herrnhut Communities in Livonia and Local Society in 1743. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 845–861. DOI 10.15826/qr.2023.3.822.

Цитирование: Lavrinovich M. “A Territory of Threat”: The Banning of the Herrnhut Communities in Livonia and Local Society in 1743 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 845–861. DOI 10.15826/qr.2023.3.822 / Лавринович М. «Территория угрозы»: запрет общин гернгутеров в Лифляндии и местное общество в 1743 году // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 845–861. DOI 10.15826/qr.2023.3.822.

settled in St Petersburg who were striving to reach Asia through the Russian Empire. The correspondence between Chancellor A. P. Bestuzhev-Rumin and I. A. Cherkasov, Cabinet Minister of Empress Elizaveta Petrovna, reveals that the action taken on the community in 1743 was largely prompted by the foreign policy circumstances. The main threat to the central government was the commissions set up a year earlier by local noble elected bodies, i.e. the Landtags and the Ober-Consistory, to investigate the activities of the Herrnhut communities in Livonia. The activities of the Baltic nobility carried out independently of the imperial centre aroused the gravest suspicions because its specific rights and privileges, though confirmed by the Peace of Nystadt, were kept vague for the St Petersburg authorities by the 1740s. The local nobility, dramatically involved in the activities of the Herrnhut communities in the 1720s–1740s, found themselves in a difficult position, torn between their adherence to the doctrine and the need to remain loyal to the St Petersburg authorities, fulfilling the requirements of the personal decree of 1743.

Keywords: Herrnhut Brethren, Russian Empire in the 18th century, Nikolaus Ludwig von Zinzendorf, Erdmuthe Dorothea von Zinzendorf, Livonia, Ösel, commissions, Landtag

Представлен анализ изданного императрицей Елизаветой Петровной 16 апреля 1743 г. именного указа – первого в Российской империи, направленного против гернгутеров. В историографии он цитируется по вторичным источникам и трактуется как указ, направленный против гернгутеров-миссионеров, несмотря на то, что еще Й. Экардт (1876), а недавно О. Тайгелер (2006) помещали его в контекст истории гернгутских общин в Лифляндии. Содержание и реализация указа 1743 г. в статье анализируются в контексте развития общин гернгутеров в Лифляндии, включая остров Эзель, в 1720–1730-е. Документы следственного дела против гернгутеров, отложившиеся в фонде Тайной канцелярии (РГАДА) и частично повторяющиеся в деле, которое вела Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел (АВПРИ), показывают, что в Петербурге в 1743 г. не видели угрозы в проповеди гернгутеров и даже не имели представления о содержании учения. Указ требовал прежде всего поимки графини фон Цинцендорф, проводшей несколько месяцев в Петербурге с не совсем ясными целями, и не был направлен и против немногочисленных миссионеров, желавших проникнуть через территорию империи в страны Азии: они попали в поле зрения канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и кабинет-министра И. А. Черкасова позднее, а их переписка свидетельствует о том, что принятые против лидеров общины меры коренились во внешнеполитических обстоятельствах. Главной угрозой центральной власти оказались комиссии, созданные годом ранее местными дворянскими выборными органами – ландтагами и обер-консистерией для расследования деятельности гернгутеров в Лифляндии. Независимая от имперского центра деятельность, вытекавшая из автономии прибалтийского дворянства, и вызвала самые большие подозрения в 1743 г. в Петербурге, где имели смутное представление о правах и привилеги-

ях остзейского дворянства в империи, хотя и подтвержденных Ништадтским миром. Фактически местное дворянство, само в значительной степени находившееся под влиянием гернгутеров, оказалось в сложном положении, разрываясь между своей приверженностью учению и необходимостью оставаться лояльным петербургской власти, исполняя требования именного указа 1743 г.

Ключевые слова: гернгутеры, Российская империя в XVIII в., Николаус Людвиг фон Цинцендорф, Эрдмута Доротея фон Цинцендорф, Лифляндия, Эзель, комиссии, ландтаг

I

В 1720–1740-е гг. Лифляндия, включая остров Эзель, была местом активной деятельности радикальных пиелистов – «моравских братьев», или гернгутеров. Прибалтийские губернии оказались включены в общинную сеть, главой которой был основатель учения граф Николаус Людвиг фон Цинцендорф (1700–1760), а ее ячейки были разбросаны внутри разных государств и континентов. Характерно, что в современной историографии гернгутеры рассматриваются как «глобальные игроки», тщательно следившие за политическим климатом в странах пребывания и налаживавшие контакты с правительствами [Mettele, p. 158].

Деятельность Цинцендорфа и его агентов, развернувшаяся на окраине империи, хорошо высвечивает «пористость» границ между империями и помогает пересмотреть точку зрения на империю Нового времени как на идеальный образ метрополии, держащей территорию под контролем. Взаимодействия – экономические, культурные и в нашем случае религиозные – на территории фронтиров более адекватно отражают положение дел в эпоху, когда товары, люди и идеи легко пересекали политические границы [Хаген, с. 130–131].

Прибалтийские губернии Российской империи в силу культурной и религиозной обособленности, устойчивых связей со Швецией и Речью Посполитой стали новым имперским фронтиром, зоной взаимодействия, где замкнутые общества были вовлечены в культурные и торговые пограничные обмены [Рибер, с. 215]. Отметим, что российская историография с трудом пересматривает традиционный национальный и одновременно имперский нарратив, в фокусе которого находится государство – предполагаемый главный игрок; поэтому важно переключение внимания на иные центры власти, представленные на окраинах местными институтами и нетитульными нациями, чью лояльность можно охарактеризовать как «множественную», а идентичность – как «ситуативную» [Хаген, с. 131].

Деятельность гернгутеров в Лифляндии, начавшаяся уже во второй половине 1720-х гг., оставалась без внимания со стороны властей в 1730-е гг. Мощной была еще инерция петровской религиозной толерантности – основной предпосылки Просвещения

[Winter, S. 119]¹. О гернгутерах-миссионерах власти впервые узнали в 1734 г., когда трое посланцев Цинцендорфа были арестованы в Архангельске как шведские шпионы². В 1735 г. Петербург посетил Давид Ничманн (1696–1772) с рекомендательными письмами от Цинцендорфа к Остерману, Миниху, имперскому послу Линару, а также Симону Тодорскому, но его визит остался без реакции [Teigeler, S. 116]³. Последовавший за поездкой самого Цинцендорфа в Лифляндию в 1736 г. мощный всплеск движения, пришедшийся на середину царствования Анны Иоанновны и особенно затронувший крестьянство, также остался без последствий [Ibid., S. 159–160]. В 1740-е гг. ситуация изменилась. Общины в Лифляндии подверглись репрессиям, завершившимся в 1747 г. арестами. В настоящей статье пойдет речь о первых мерах против гернгутеров, предпринятых в 1743 г.

Еще Э. Винтер выдвинул тезис о миссионерстве как о главной составляющей в деятельности гернгутеров в России и главной же причине преследований. Эту точку зрения поддержал в своей недавней работе А. С. Ряжев, ссылаясь на следственное дело, которое велось Юстиц-коллегией лифляндских, эстляндских и финляндских дел в 1743–1744 гг. [Ряжев, с. 409]. Однако, вопреки его утверждению, в этих документах [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1. 1743–1744], как и в полном следственном деле [РГАДА. Ф. 7. Д. 1195], речь идет об общинах, укоренившихся в Лифляндии, а не о миссионерской деятельности гернгутеров в империи.

Еще полтора десятилетия назад немецкий исследователь О. Тайгелер в масштабном исследовании о гернгутерах в России (*за пределами Прибалтики*) показал, что миссионерская деятельность среди нехристианских народов, в особенности мусульман, не только не воспринималась русскими властями как угроза, а, наоборот, вызывала сочувствие. В Петербурге надеялись, что проповедь христианства среди подвластных России «народностей» приведет в перспективе к укреплению колониальной власти империи [Teigeler, S. 148].

¹ Толерантность в XVIII в. не равнялась свободе совести, а признание прав за лютеранами не означало возникновения религиозного плюрализма. Православная церковь, согласно официальной точке зрения, представляла собой единственно истинный путь к спасению [Wirtschaftler, p. 105].

² В 1734 г. братья Андреас Грассманн, Даниель Шнейдер и Йоганн Микш были задержаны как шведские шпионы на пути к самоедам и другим северным народам. Они провели пять недель под арестом в Архангельске и благодаря поручительству пастора Тобиаса Плашника были отправлены в Петербург, где А. И. Остерман выписал им паспорта для выезда за границу империи [Teigeler, S. 132].

³ В Петербурге в 1730-е гг. существовала мощная лютеранская и pietistская «партия», состоявшая из придворных – вице-канцлера Остермана, фельдмаршала Бурхарда Христофа Миниха и его брата Христиана Вильгельма – директора Кадетского корпуса в 1734–1736 гг. и обер-гофмейстера (с 1743 г.), а также законоучителя Корпуса Тобиаса Плашника (1703–1757) и пасторов и прихожан нескольких церквей [Winter, S. 87–88; Russen und Russland, S. 182]. Вероятно, знавшим толк и в pietизме придворным-лютеранам очередная попытка толкования свободы воли, раскаяния и спасения не казалась опасной.

История гернгутской общины началась в 1722 г., когда Цинцендорф приютил скитавшихся по Европе моравских братьев в своем имении Бертельсдорф, переименовав его в Гернгут – «пристанище Божье». Моравские братья (*Unitas Fratrum*) отсчитывали свое происхождение от гуситов – предшественников Реформации, и поэтому, искренне или нет, Цинцендорф и члены братства считали себя принадлежащими лютеранской евангелической церкви. Новое учение отталкивалось от пиетизма, с одной стороны, и от положений филадельфийской церкви с ее представлением об истинном христианстве, воплощенном во всемирной универсальной церкви, с другой. В 1733 г. Цинцендорф порвал с Галле, но сумел получить от теологического факультета Тюбингена заключение, что его учение не отступает от лютеранской ортодоксии. Его перевод в 1743 г. Цинцендорф повезет в Россию, чтобы передать Синоду, очевидно, в уверенности, что имя автора его заключения Георга Бернгарда Бильфингера (1693–1750), профессора Петербургской академии в 1726–1731 гг., должно сыграть свою роль [Teigeler, S. 265–268].

В конце 1720-х в Лифляндии начали формироваться гернгутерские центры: в Вольмарсхофе (*совр.* Валмиера) – в имении генерал-аншефа Людвиг Николауса фон Галарта (1659–1728) и его вдовы Магдалены Елизаветы (1683–1750) [Иностранные специалисты, с. 60–65]; в Бринкенхофе в Вендау (Дерптский уезд) – у вдовы Гавелины (фон Гавел); на острове Эзеле после 1738 г., когда суперинтендантом Эзельской провинции был выбран выпускник Галле, диакон ревельской церкви Св. Олафа теолог Эберхард Гутслев (1690/1693–1749), возглавивший гернгутскую общину острова [Teigeler, S. 140]⁴. К тому же после триумфального визита Цинцендорфа в Лифляндию и Эстляндию в 1736 г. на острове значительно вырос поток проповедников из Гернгута – ремесленников, медиков, домашних учителей. Все они действовали независимо от местных властей, игнорировали имевшие законную силу шведские церковные уставы, подчиняясь лишь предписаниям Цинцендорфа и следуя аутсбургскому исповеданию лишь настолько, насколько считали нужным. Они заменяли местные катехизисы и книги песнопений привезенными с собой из Гернгута без ведома консистории [Eckardt, S. 221]. Рижская обер-консистория имела мало влияния на Эзельскую консисторию, и почти все дворянство острова – впрочем, немногочисленное – к началу 1740-х гг. уже оказалось в гернгутском братстве [Ibid., S. 239]⁵.

Гернгутерство в остзейских провинциях не было маргинальным движением: среди его последователей были «от герренгутских епископов рукоположенные пасторы», «несколько число... студентов»,

⁴ Э. Винтер считал, что поскольку Гутслев подвергался преследованиям со стороны лютеранского духовенства, назначение его на Эзель было ссылкой [Winter, S. 265].

⁵ На Эзеле насчитывалось около двух десятков дворянских семей, материальный и интеллектуальный уровень которых в силу изоляции и неблагоприятного климата был несравним с уровнем материкового рыцарства [Eckardt, S. 216].

«а прочие были ремесленные люди и крестьяня» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 242 об. –243]⁶. Несомненно, успех гернгутеров среди остзейцев был обусловлен единством языка, общим культурным и религиозным фоном, а также наличием уже индоктринированной пие-тизмом имперской элиты из остзейцев. Через нее глава пие-тистского центра в Галле Август Герман Франке (1663–1727) оказывал влияние как на лютеранские общины, так и на самого Петра I [Фундаминский, с. 57], связанного с Галле через лично преданного ему военачальника полковника Иоганна Бальтазара фон Кампентаузена (1689–1758) [Teigeler, S. 120, 142].

II

Известный в историографии именной указ Елизаветы Петровны от 16 апреля 1743 г. о запрете «секты» гернгутеров был издан за два месяца до ареста в Петербурге посланников Цинцендорфа и шведского студента-гернгутера Арвида Градина (1704–1757), привезшего письмо графа к Синоду. Указ 16 апреля вообще не упоминал так не вовремя явившихся в Петербург посланцев Гернгута, а был направлен исключительно против распространившейся в *Лифляндии* «секты» гернгутеров⁷. Обозначение гернгутеров в указе как секты – определение, не характерное для русского законодательства XVIII в. (оно предпочитало термины «раскол» и «ереси»), – говорит в пользу того, что сведения об опасностях, исходивших от последователей Цинцендорфа, черпались из опыта тех государств, где их не признавали частью лютеранской церкви, а общины изгоняли или ограничивали в правах⁸.

О челобитной, поданной от трех гернгутеров («Эрн Гутерих»), канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину стало известно 11 апреля 1743 г. от кабинет-министра И. А. Черкасова, хотя в Петербург гернгутеры приехали еще 30 июля 1742 г. [Teigeler, S. 199 (Anm. 1)]. Следует думать, что и челобитную с целью получить паспорта для проезда «к мунгалцам [монголам], калмыкам и даже до границы китайского государства» они подали значительно раньше, но она оставалась без рассмотрения. Вероятно, о самой челобитной вспомнили, когда в Кабинете началось обсуждение указа, изданного 16 апреля. Сообщение Черкасова канцлеру от 11 апреля о трех просителях «*лютерскаго братского общества*» – Конраде Ланге, Захариусе Хиршеле и Михаэле

⁶ Гутслев на допросе в 1747 г. назовет среди находившихся с ним «в дружестве» Эриха Иоганна Фитингофа (1699–1761), советника Коллегии лифляндских и эстляндских дел, и в 1740–1746 гг. ландсгауптмана Эзеля, представителя разветвленного рода. За месяц до ареста Гутслева (1747) Эрих Иоганн Фитингоф с семьей выехал в Кёнигсберг, очевидно, опасаясь репрессий [DBL, S. 835; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 1. Л. 93; Ч. 2. Л. 545 об.].

⁷ Здесь и далее указ цит. по: [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 34–34 об.].

⁸ В опубликованном в конце 1740-х гг. сборнике распоряжений, изданных против гернгутеров в других государствах, они именуются «сектантами» («Sektierende») [Hoffmann, S. 15–16].

Кунде – было совершенно нейтрально, как и приписка: «По силе сего вчера Гернгютерав в кабинет челобитная отправлена». Однако 3 июня 1743 г. Черкасов предложил канцлеру допросить трех путешественников, «где то братство, отколь они посланы... и от кого и что на свое содержание получают, и кто еще их секты, и где обретаются в границах российских»: приложенный к письму именной указ от 16 апреля свидетельствует о том, что именно на этом этапе власти обнаружили связь между миссионерами-гернгутерами и общинами в Лифляндии. 10 июня в Юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел из Коллегии иностранных дел была отправлена промемория с требованием допросить Ланге со спутниками, а «также и что сверх того в Юстиц-коллегии и лютерскому духовенству о тех людех и о герренгутской секте известно есть», сообщить в коллегию. Ланге со спутниками и Градин были допрошены в коллегии 30 июля и арестованы [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 33, 55–55 об., 58 об⁹, 232–233, 120–121 об.].¹⁰

Указ 16 апреля был дан рижскому вице-губернатору Д. Ф. Еропкину (? – ок. 1750) и, помимо запрета гернгутерского учения «лифляндцам, кто б какого звания ни был», и запечатания домов, где проходили собрания «секты», требовал задержания находившейся в Петербурге супруги Цинцендорфа Эрдмуты Доротеи (урожденной графини Рейсс-Эберсдорф, 1700–1756), «которой [секты] предводителница некоторая графиня Синцендорфова» [Там же. Л. 34]. К поездке в столицу графиню подтолкнуло прежде всего стремление добиться позволения для братьев поселиться на территории империи [Teigelger, S. 160–161]. Супруга графа была самостоятельной политической единицей, и пока сам граф пребывал в канадской глуши, отправилась в Россию¹¹. По пути осенью 1742 г. она посетила Вольмарсхоф и Бринкенхоф и в начале февраля 1743 г. прибыла в Петербург, где провела почти два месяца и выехала 21 марта, так и не дождавшись аудиенции у императрицы. Графиня успела, однако, передать императрице две записки, речь в которых шла о беспорядках в церковной жизни Лифляндии, причем вину за них она возлагала на лифляндское и эстляндское

⁹ Письма И. А. Черкасова к А. П. Бестужеву-Рюмину опубликованы К. А. Писаренко по оригиналу, хранящемуся в Архиве внешней политики Российской империи [Черкасов].

¹⁰ Окажись миссионеры в Петербурге в более благоприятный момент, они бы могли, получив паспорта, отправиться на край света и никогда не появиться в следственном деле. Попытке посланцев проникнуть в Азиатскую часть империи и даже в Китай предшествовали споры внутри руководства общины о необходимости движения в Азию. Сам Цинцендорф считал время неподходящим для этой миссии, ожидая результатов поездки Арвида Градина в Петербург в 1743 г. Поэтому когда К. Ланге – инициатор движения в Азию – и еще двое посланцев оказались в Петербурге, Цинцендорф пришел в ярость. Братья провели в заключении почти четыре года и даже в 1747 г., получая паспорта для выезда из России, пытались убедить власти позволить им двигаться дальше в Азию, а не на Запад [Teigelger, S. 174–175, 201–203].

¹¹ «Братская церковь» не делала различий между мужчинами и женщинами в том, что касалось «пробуждения», поэтому женщины занимали важные посты в общине и имели свободу передвижения наравне с мужчинами [Peucker, p. 197].

духовенство [Teigeler, S. 161]. Указом 16 апреля, изданным почти через месяц после отъезда графини, императрица приказала Еропкину и всех «ее помощников, приехавших с нею ис чюжих краев, сколько их есть, учтивым поступком позвать к себе в гости [в Риге], и как будут, то всех отправить сюды к нам [в Петербург]» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 34 об.]. 21 апреля, получив указ, Еропкин приказал полковнику Воейкову нагнать графиню. Встретив ее 23 апреля на границе в районе Митавы, тот представил «ей обнадеживания к настоящей ее ползе, и о немалом ей в Риге награждении, и протчие тому принадлежащие уговоры по крайней возможности, токмо де никакими способами ее к тому склонить не мог» [Там же. Л. 44]. Вероятно, графиня была предупреждена и на уговоры не поддавалась. Указ 1743 г. не имел в виду меры против самого учения, потому что о нем ничего толком не было известно («и что имянно содержит оное Эрн Гутеров учение, и какое онаго употребление в самом деле явное или тайное есть, о том о всем подлинно осведомясь, прислать к нам известие») [Там же. Л. 34–34 об.]. По мнению О. Тайгелера, указ носил чисто политический характер, изображая «секту» как угрозу государству [Teigeler, S. 162 (Anm. 15), 178], что соотносится с известием Арвида Градина о том, что вдохновителем указа 1743 г. был Тобиас Плашниг – проповедник и законоучитель Кадетского корпуса, убежденный пиетист, шпионивший за гернгутерами в Петербурге и доносивший на них¹².

III

Помимо поимки графини-предводительницы и мер по прекращению собраний «секты», указ требовал исследования о некоей «комиссии, кто ее и на каком основании учредил и какое во оной действо произошло» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 34 об.]. Не из записок ли, переданных графиней Цинцендорф перед отъездом императрице, последняя узнала о комиссии, учрежденной ландтагом (точнее, о двух комиссиях)? Именно решение лифляндского ландтага в июне 1742 г. о создании комиссий по расследованию деятельности гернгутеров стало второй причиной для визита графини в империю.

К концу 1730-х гг. обер-консисторию в Риге переполнили жалобы духовенства на проповедь гернгутерства среди прихожан. Генерал-суперинтендант¹³ Лифляндии вице-президент обер-консистории

¹² На антигернгутерский настрой убежденного пиетиста, выпускника Галле Тобиаса Плашнига обратил внимание в 1735 г. Д. Ничманн [Teigeler, S. 116]. Плашниг был взят на службу в Кадетский корпус в 1734 г. Христианом Вильгельмом фон Минихом (1688–1768), директором корпуса в 1734–1736 гг. [Капитуляция с пастором и преподавателем латинского языка Тобиасом Пличником, с. 297–298]. Несмотря на то, что Миних был братом ссыльного фельдмаршала, Елизавета Петровна считала его одним из самых близких к себе людей и в 1743 г. назначила обер-гофмейстером. Через Миниха Плашниг мог доносить до ушей императрицы сведения о гернгутерах в выгодном ему свете.

¹³ Генерал-суперинтендант (Generalsuperintendent) – высшее должностное лицо на территории церковного округа в лютеранской церкви.

Якоб Бенъямин Фишер (1684–1744)¹⁴ был осведомлен о деятельности гернгутеров, но мощное влияние личности Цинцендорфа и его хорошо памятный визит в Лифляндию в 1736 г., а также благоприятные отзывы об улучшении нравов среди крестьянства, состоящего в братской общине, не давали повода принять меры. Лишь в 1742 г. Фишер представил обер-консistorии доклад, в котором предложил учредить комиссию «для исследования учения и поведения гернгутской секты» и местного духовенства. С тем же он обратился к коллегии ландратов, и в июне 1742 г. решением ландтага были созданы две смешанные комиссии (состоявшие из двух дворян и двух духовных лиц) для исследования учения и образа жизни секты гернгутеров: в Вольмаре – для латышской части Лифляндии, в Вендау – для эстонской [Eckardt, S. 227–230; Teigeler, S. 161].

Как представляется, требование указа выяснить обстоятельства создания «комиссии о гернгутерах» было вызвано тем статусом, который начиная с петровского времени имели получившие такое название органы управления. Комиссии принадлежали к временным и специальным звеньям центрального аппарата, будучи при этом равнозначны другим элементам управления, а их возникновение было следствием волеизъявления верховной власти и его институционального оформления (законосовещательные для обсуждения или «сочинения» каких-либо актов, следственные, военные и т.д.). [Бабич, 2003, с. 22; Бабич, 2007, с. 29]. В данном случае никакого волеизъявления монарха не состоялось, а значит, имели место покушение на прерогативу и, как следствие, суверенитет монарха. Этим можно объяснить столь острую реакцию императрицы на известие о комиссиях в Лифляндии и длившееся около трех лет разбирательство в попытках обнаружить истоки их деятельности.

Образцом для ландратов могли послужить «комиссии», создававшиеся ранее в других государствах для информирования правительства о деятельности «секты». Так, при саксонском курфюрсте Фридрихе Августе I (1694–1733) были созданы две комиссии для расследования деятельности гернгутеров. Первая в 1732 г. отнеслась снисходительно к общине Гернгута, что не помешало курфюрсту в ноябре того же года издать указ об изгнании Цинцендорфа из Саксонии. Однако поскольку через три месяца курфюрст умер, указ остался без исполнения. В 1736 г. была учреждена вторая, более серьезная комиссия с участием теологов. Она проверила жалобы консистории на организацию частных молитвенных собраний и осталась недовольна новыми литургическими формами, песнопениями, уставами и тем, что должности в общине занимают миряне, не имеющие духовного звания, и подтвердила решение об изгнании гернгутеров из Саксонии [Meyer, S. 37–38]¹⁵.

¹⁴ Биографические данные здесь и далее в соответствии с [Deutschbaltisches Biographisches Lexikon].

¹⁵ Формально изгнан из Гернгута был лишь сам Цинцендорф, но не община.

Учреждая свои комиссии в 1742 г., остзейские ландраты считали себя вправе создавать подобный орган, отталкиваясь от представлений о своих автономных правах, вытекавших из «договорных» отношений с центральной властью, наступивших в момент заключения в 1710 г. аккордных пунктов и капитуляций при сдаче Риги и Ревеля¹⁶. Впоследствии согласно Ништадтскому мирному трактату эти провинции стали первой территорией после Немецкой слободы в Москве, где в России было официально позволено исповедание христианства невосточного образца [ПСЗ, т. 6, № 3819, ст. 10].

Из переписки Черкасова и Бестужева видно, что в Петербурге в 1740-е гг. имели очень смутное представление о том, какие законы регулируют статус этих провинций: «надобно приискать [в Коллегии иностранных дел] те пункты, которые при завладении Лифляндии и Эстляндии от Его императорского величества... акордованы, где пункты и о вере есть», – указывал Черкасов канцлеру, а сам брался провести таковые же разыскания в Сенате [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 229 об.]. Если в Петербурге законность решения ландтага о создании комиссий была неочевидна, то остзейское дворянство видело в этом реализацию своих политических прав, гарантированных ему законами.

Невозможно судить, знали ли заседавшие в ландтаге остзейцы или сам лифляндский генерал-губернатор фельдмаршал Петр фон Ласси (1678–1751), вернувшийся к исполнению своих обязанностей весной 1743 г., под конец войны со Швецией, о существовании комиссий о гернгутерах в Саксонии или других государствах. Своим указом, датированным (вероятно, задним числом) также 16 апреля 1743 г., он объявил о создании собственной комиссии «императорского генерал-губернамента» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 89–91 об.; АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1. 1743–1744. Л. 38–40 об.]. Отметим, однако, сходства между причинами для беспокойства, перечисленными как ландратами, так и Ласси при учреждении комиссий в 1742 и 1743 гг. соответственно («новые порядки и учреждении», с церковными «никак не сходствующие», «приватные собрания» «сектантов» в Лифляндии и Эзельской провинции, «особливые общества» и «другие невозво-

¹⁶ Договорной статус отличал остзейцев от «коренных» русских дворян [Романович-Славатинский, с. 90–91; Андреева, с. 54–68]. Капитуляции, аккордные пункты, жалованные грамоты Петра и мирный договор 1721 г. гарантировали и подтвердили остзейскую автономию не только дворянству: «все жители провинций Лифляндские и Эстляндские, такожде и острова Эзеля, шляхетные и не шляхетные, и в тех провинциях обретающиеся города, магистраты, цехи и цунфты при них под швейским правлением имевших привилегиях, обыкновениях, правах и справедливостях, постоянно и неколебимо содержаны и защищены будут». При новой власти был полностью восстановлен *Landesstaat* (система автономных сословных учреждений, ландтагов и выборных судов разного уровня), упраздненный Карлом XI, все привилегии, данные польскими королями, а также «статуты рыцарские, права, вольности, свободы». Главное – русские власти обещали вернуть владельцам имения, подвергнутые редукации (забранные в шведскую казну) в последние десятилетия XVII в. Все это немало способствовало обеспечению лояльности местного дворянства и горожан [Зутис, с. 58–59, 63, 77].

ленные новости», отчего произошли «немалое безпокойство и замешательство»). Укажем и на созвучный предмет рассмотрения у остзейских и саксонских комиссий – необходимость отвращения «всяких опасаемых злых следствий» от деятельности гернгутеров, пришедших на Эзель («из других краев учителя веры, от так называемой моравской или Герренгутской секты»), и на общую задачу «выпытывать, оное ж так называемое гернгутерских братьев учение аугспургскому исповеданию и книгам символическим... согласно ль или нет, и какие у них состоят мешательства, которые им причитают, и оная комиссия наиболее учреждена, понеже шляхетству наипаче в том обстоит нужда, чтоб евангелическое учение чисто содержано и в противность онаго никаких новых сект допущено б не были» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 45 об. –46]. Также сходным с саксонским был и состав комиссий: в комиссии Ласси состояли председатель земского суда, земский судья и два пастора, один из которых был также ассессором консистории [Там же. Л. 89 об. –90]¹⁷.

Таким образом, в 1743 г. в Лифляндии и Эстляндии сосуществовали три комиссии: две, созданные по решению ландтага 1742 г., и генерал-губернаторская. Однако ни об одной из них в Петербурге не имели никакого представления, поскольку вице-губернатор Еропкин не сумел получить от регирунгсканцелярии в Риге «никакого известия о комиссии, продолжающейся об Эрн гутерах... и отколь лифляндцы имеют указ и почему комиссию учредили, неведомо» вплоть до своей отставки в октябре 1743 г. (возможно, связанной именно с неспособностью добиться от остзейцев сведений ни о комиссиях, ни о самих гернгутерах) [Там же. Л. 229 об.]. «А по какому указу геренгутерская комиссия в Лифляндии учреждена, о том в Коллегии також неизвестно, ибо никакого о том от нас указа не посылаю и в Сенат представлявано не было», – писал Черкасов Бестужеву-Рюмину 15 октября 1743 г. [Там же. Л. 221].

Все это удалось генерал-губернатору Ласси. В декабре 1743 г. он отправил в Петербург рапорт с разъяснениями, полученными от регирунгсканцелярии, принявшей во внимание также и расследование членов обер-консистории. Доношение, поданное советниками 23 ноября 1743 г. генерал-губернатору, носит явно обличительный характер в отношении гернгутеров по сравнению с написанными невозмутимым тоном ответами, скорее отговорками, полученными Еропкиным в апреле – мае 1743 г. от регирунгсратов – тайного советника Германа Фридриха фон Фитингофа (1670–1746, на русской службе с 1737 г.) и ландмаршала и предводителя лифляндского дворянства барона Иоганна Густава фон Будберга (1693–1754) [Там же. Л. 35–36, 45–48].

¹⁷ В состав комиссии 1736 г. в Саксонии входили ландгауптман, придворный – камергер, советник обер-консистории и ассессор обер-консистории и суперинтендант Дрездена [Hoffmann, S. 15–16].

Изучение подписей регирунгсратов под доношениями и отсылкам в текстах доношений от ноября – декабря 1743 г. позволяет утверждать, что причина изменения тона кроется в составе регирунгсратов. Так, подписавший в ноябре доношение Фитингоф – не упомянутый выше тайный советник Герман Фридрих, а предводитель эзельского шляхетства (с 1740 г.) ландрат Отто Фридрих фон Фитингоф (1692–1777), которого Гутслев называл своим гонителем, настоящим на учреждении комиссии «над ним, Гутслевым, якобы во одной секте содержания» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 1. Л. 92 об.]. Вторая подпись хотя и принадлежит Кампенгаузену, но уже не полковнику и доверенному лицу Петра I, а его сыну, советнику правления Иоганну Кристофу фон Кампенгаузену (1716–1782). Несомненно, отсутствие полковника Кампенгаузена – одного из самых влиятельных ландратов – в Лифляндии в 1742 г. сыграло свою роль в том, что ландтаг настоял на расследовании деятельности гернгутеров комиссиями¹⁸.

Доношение регирунгсратов пронизано тревогой: братья-гернгутеры «размножились» до 40–50 чел. и вовлекли в свою общину значительное число как дворян, так и крестьян:

Помянутые персоны под разными претекстами во дворах, домах и крестьянских семьях между немцами и латышами, частью с ведома, частью и без ведома помещиков и пасторов, в уездах часы и собрания держать, великие между народом замешанин чинить, зборищи и шайки учреждать, а на последи для их збирания, и особливые дома, под видом порядочных школ строить, и особливые ж братства и сестринства установлять начали, и столко умножилось, что разные помещики и пасторы, также немецкие жители, а из крестьянства несколько тысяч человек к ним приставали, и частью их общему братству действительно приступили [Там же. Ч. 2. Л. 243–243 об.].

Тревога была вполне объяснима: новая общинная структура отменяла, по сути, все церковные учреждения и устанавливала новые, контролируемые собственными пасторами. В доношении подчеркивалась исключительность, которую гернгутеры практиковали, допуская к своим собраниям только «верных», «участвующих в Евангелии» [Там же. Л. 245]. Все эти обвинения содержались еще в жалобах духовенства, наводнивших рижскую обер-консисторию в конце 1730-х гг. и оказавших влияние на решение лифляндского генерал-суперинтенданта сформировать комиссию для изучения деятельности общины [Eckardt, S. 222–227]. Опираясь на протоколы расследования, проводившегося обер-консисторией, регирунгсраты в поданном Ласси доношении утверждали, что «секта» «во многих важных пунктах от евангелическо-лютеранской церкви,

¹⁸ И. Б. Кампенгаузен был назначен генерал-губернатором завоеванной Финляндии (1742–1744 гг.) [Eckardt, S. 231].

ея же в Аугсбургском исповедании, и в принадлежащих ко оному Символских книгах содержаннаго о христианской вере учения отдалася». Возможно, регирунгсраты рассчитывали на определенную реакцию в Петербурге, когда писали, что учением гернгутеров «нарушается и уничтожается... лютеранской религии учреждение и церковной устав в Лифляндии», подтвержденные и гарантированные Ништадтским миром, и – подчеркивали они – «от Вашего императорскаго величества [Елизаветы Петровны] в Абоском мирном трактате» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 248–249 об.; Eckardt, S. 235].

Действительно ли изменились настроения остзейцев за менее чем десять лет, прошедших с визита графа Цинцендорфа в Лифляндию, шли ли они вслед за решением высшей религиозной инстанции, или этот документ был лишь формой выражения лояльности Петербургу после издания указа 16 апреля и ареста миссионеров в Петербурге летом 1743 г.? Не только Ласси, но и оба подписавших документ советника стремятся как будто дистанцироваться от гернгутеров, и недаром: сами они вовсе не были чужды учению «моравских братьев». Принадлежавшее полковнику Кампенгаузену, отцу молодого регирунгсрата, имение Ореллен было одним из центров гернгутерства, где Цинцендорфа с восторгом встречали в 1736 г.¹⁹ Ландрат Отто Фридрих фон Фитингоф проявлял большой интерес к персоне Цинцендорфа и общине Гернгута годом ранее, когда Вольмарсхоф навел на пути из Петербурга [Teigeler, S. 121, 142; Meyer, S. 42]²⁰. Сам Ласси, хотя и католик по рождению, не был, видимо, негативно настроен по отношению к гернгутерам, он восторженно внимал Цинцендорфу в Риге в 1736 г. и не предпринимал решительных действий до получения указа из Петербурга [Eckardt, S. 233].

Отправив 11 декабря 1743 г. императрице подробнейшее доношение о результатах расследования и о принятых мерах, Ласси уже 14 декабря составлял новый рапорт: накануне в Ригу явился граф Цинцендорф. Он запасся не только переводом «тюбингенского исповедания» 1733 г., но и письмом к Синоду, в котором утверждалось, что, поскольку его учение согласно с лютеранской ортодоксией, братству должен быть открыт доступ в империю. Он и его свита были арестованы, а письма изъяты. 23 декабря императрица указала прислать графа «за добрым конвоем» в Петербург. Однако кабинет-министр Черкасов испугался осложнений в отношениях с Веной в случае его ареста: с лета 1743 г. Петербург конфликтовал с имперским двором из-за участия в деле Лопухиных посланника Габсбургов маркиза Антонио Ботты (1688–1774), покинувшего Петербург еще в конце 1742 г. В разговорах с ним была замешана и супруга брата

¹⁹ Имение Ореллен, купленное полковником И. Б. Кампенгаузену у вдовы Галарт в 1728 г., находилось неподалеку от Вольмарсхофа – имения Галартов [Teigeler, S. 121, 142].

²⁰ Пребывание Ничманна в Петербурге и Лифляндии детально анализируется в работе: [Teigeler, S. 93–158].

канцлера М. П. Бестужева-Рюмина Анна Гавриловна [Писаренко, с. 10–16]. «...[М]ожно ль ево [Цинцендорфа] сюда взять, – писал Черкасов Бестужеву-Рюмину 23 декабря, – и будет ли в том полза, того я не знаю, ибо он имперской граф, и для того, чтоб не могло воспоследовать каких отзывов от держав протестантских и реформанских»²¹. Как самую политически безопасную меру он предложил «для убежания того выслать ево за границу» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 253–255, 260, 262 об.]. 9 января 1744 г. последовал указ императрицы, объявлявший излишними дальнейшие расследования, а Цинцендорфа и его свиту – подлежащими высылке. 12 января граф был освобожден и выдворен из империи [Eckardt, S. 238–239; Teigeler, S. 163].

* * *

Общины гернгутеров в Прибалтике не были источником беспокойства для властей вплоть до визита графини Эрдмуты Доротеи Цинцендорф в Петербург в 1742–1743 гг. Изданный, в том числе с целью ее поминки, именной указ 16 апреля 1743 г. вписывается и в общий контекст религиозной политики конца 1742 – начала 1743 г.: усиленного насаждения православия среди нехристианских народов империи – мусульман и анимистских народов Поволжья, изгнания из империи и так немногочисленных иудеев, разрушения мечетей в Казанской губернии и запрета на строительство новых. Характерно, что эти указы были изданы в самом конце 1742 г., а фоном для них были новые привилегии православного духовенства и очередной виток гонений на старообрядцев [Герасимов и др., с. 82–84; Teigeler, S. 236]. Все это было идеальной почвой для дискредитации гернгутеров в доносах, поступавших к императрице, вероятно, от законоучителя Кадетского корпуса Тобиаса Плашнига, и подкреплялось конфликтом с Веней, в связях с которой, скорее всего, ошибочно подозревали Цинцендорфа. Однако «территорией угрозы» прибалтийские провинции стали для Петербурга не только и не столько поэтому. Неожиданно для себя петербургские власти обнаружили там самостоятельное, обладавшее особыми правами дворянство, имеющее свое представительство и организующее при необходимости свои «комиссии», реакция на которые оказалась более болезненной, чем на сообщения об исходящих от гернгутеров «опасностях». В чем последние состоят, в Петербурге в 1743 г. так и не смогли сформулировать. Угроза, как ее понимали в рижской обер-консistorии, заключалась не в религиозном содержании учения, а в форме, в которой оно реализовывалось, – во внецерковных собраниях, альтернативных общинах и собственных служебных книгах. Среди остзейских дворян не было единства в отношении нового учения: многие были его сторонниками и не были готовы содействовать властям в борьбе с ним, а местные чиновники из остзейцев – регирунгсраты –

²¹ Вероятно, Черкасов не знал, что еще дед Цинцендорфа порвал отношения с венским двором и, продав имения в Австрии, переселился в Саксонию [Meyer, S. 5].

могли радикализировать риторику в направлявшихся в Петербург документах, чтобы выказать свою политическую лояльность и сохранить тем самым культурную и правовую автономию. Сложенные вместе, эти факторы в 1743 г. стали толчком к первым репрессиям против гернгутеров в прибалтийских губерниях. В течение года усилиями Ласси в Лифляндии были закрыты «построенные от сообщников помянутой секты... для их собраней дома», в том числе в Дерптском уезде – в Бринкенхофе, в Летском – в Вольмарсхофе (то есть в имениях вдов Гавелины и Галарт), запрещены их собрания (впрочем, только те, куда не допускали посторонних) и изъято около двух тысяч экземпляров «невыправленных учительных и спевальных книг, такожде и переводов с Библией» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 240 об. –241; см. также: Teigeler, S. 162; Eckardt, S. 184, 234]. Эти меры, возможно, притормозили, но не могли остановить деятельность гернгутеров, прежде всего на Эзеле, продолжавшуюся вплоть до ареста суперинтенданта Гутслева и близких к нему лиц в 1747 г.

Библиографические ссылки

Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб. : Мирь, 2008. 309 с.

АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1. 1743–1744.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века : Комиссия петровского времени. М. : РОССПЭН, 2003. 477 с.

Бабич М. В. Петровская и аннинская администрация сквозь призму персонала центральных комиссий // Тр. Гос. Эрмитажа : сб. ст. Вып. 38. Петровское время в лицах – 2007 : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 29–36.

Герасимов И., Глебов С., Могильнер М. Новая имперская история Северной Евразии / под общ. ред. И. Герасимова, при участии А. Семенова. Казань : Ab Imperio, 2017. 628 с.

Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига : Кн-во и тип. № 2 ВАП, 1946. 649 с.

Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого : биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / сост. В. Ржеуцкий, Д. Гузевич. М. : Ломоносов, 2019. 798 с.

Капитуляция с пастором и преподавателем латинского языка Тобиасом Пличником // «Регулярная академия учреждена будет...» : Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века : сб. ст. / сост. и науч. ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М. : Новое изд-во, 2015. С. 297–298.

Писаренко К. А. Вступительная статья : Памятная записка о завершении австро-русского конфликта из-за дела маркиза Ботты, 1744 г. // Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. Вып. 19. М. : Студия «ТРИТЭ», 2010. С. 9–18.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 199–222.

Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: свод материалов и пригласительные этюды для исторического исследования. Киев : Печатня С. П. Яковлева, 1912. 578 с.

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 1–2.

Ряжев А. С. Миссионерская работа pietистов и гернгутеров в первой половине XVIII в.: планы в отношении российского буддизма // Великие евразийские миграции : материалы междунар. науч. конф., 11–14 окт. 2016 г. Элиста : Изд-во КалмГУ, 2016. С. 407–414.

Фундаминский М. И. Коммуникационная сеть галльских pietистов в России // Инославные церкви в Санкт-Петербурге : докл. конгр., 8–10 окт. 2003 г. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 57–61.

Хаген М. фон. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 127–162.

Черкасов И. А. Письма барона Ивана Антоновича Черкасова вице-канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину (1743–1747) // Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. 2007. Вып. 16. М. : Студия «ТРИТЭ», 2007. С. 9–60.

Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710–1960 / Hrg. W. Lenz, O. Welding, E. Amburger, G. von Krusenstjern. Köln ; Wien : Böhlau, 1970 // Baltisches biografisches Lexikon digital (2012–) : [website]. URL: <https://bbld.de/> (accessed: 20.08.2023).

Eckardt J. Livland im achtzehnten Jahrhundert Umriss zu einer livländischen Geschichte. Leipzig : A. Brockhaus, 1876. 595 S.

Hoffmann C. G. Sammlung von einigen wider die Herrnhuther ergangenen hohen Kayserlichen, Königlichen, Chur- und Fürstlichen, Reichsstädtischen, und andern Befehlen und Verordnungen. Bände 1–2. Wittenberg ; Zerbst : Verlegts Samuel Gottfried Zimmermann, 1748–1749.

Mettele G. Identities Across Borders: The Moravian Brethren as a Global Community // Pietism and Community in Europe and North America, 1650–1850 / ed. by J. Strom. Leiden ; Boston : Brill, 2010. P. 155–177.

Meyer D. Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine: 1700–2000. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 175 S.

Peucker P. Pink, White, and Blue: Function and Meaning of the Colored Choir Ribbons with the Moravians // Pietism and Community in Europe and North America, 1650–1850 / ed. by J. Strom. Leiden ; Boston : Brill, 2010. P. 179–197.

Russen und Russland aus deutscher Sicht. Bd. 2. 18. Jahrhundert. Aufklärung / Hrg. M. Keller. München : Fink, 1987. 682 S.

Teigeler O. Die Herrnhuter in Russland: Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 726 S.

Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin : Akademie Verlag, 1953. 502 S.

Wirtschaftler E. Religion and Enlightenment in Russia. The Teachings of Metropolitan Platon. DeKalb : NIU Press, 2013. 200 p.

References

Andreeva, N. S. (2008). *Pribaltiiskie nemtsy i rossiiskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX veka* [Baltic Germans and the Russian Governmental Policy in the Early 20th Century]. St Petersburg, Mir. 309 p.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 10. List 10/1. Dos. 1. 1743–1744.

Babich, M. V. (2003). *Gosudarstvennye uchrezhdeniya XVIII veka: Komissiya petrovskogo vremeni* [The State Institutions of the 18th Century: The Petrine Commission]. Moscow, ROSSPEN, 477 p.

Babich, M. V. (2007). Petrovskaya i anninskaya administratsiya skvoz' prizmu personala tsentral'nykh komissii [The Petrine and Annine Administrations through the Prism of the Staff of the Central Commissions]. In *Trudy Ermitazha. Sbornik statei. Iss. 38. Petrovskoe vremya v litsakh – 2007*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 29–36.

Cherkasov, I. A. (2007). Pis'ma barona Ivana Antonovicha Cherkasova vitse-kantsleru Alekseju Petrovichu Bestuzhevu-Ryuminu (1743–1747) [Letters from Baron Ivan Antonovich Cherkasov to Vice-Chancellor Alexei Petrovich Bestuzhev-Rumin (1743–1747)]. In *Rossiiskii Arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Iss. 16. Moscow, Studiia “TRITE”, pp. 9–60.

Eckardt, J. (1876). *Livland im achtzehnten Jahrhundert Umriss zu einer livländischen Geschichte*. Leipzig, A. Brockhaus. 595 S.

Fundaminskii, M. I. (2004). Kommunikatsionnaya set' gall'skikh pietistov v Rossii [The Halle Pietist Communication Network in Russia]. In *Inoslavnye tserkvi v Sankt-Peterburge. Doklady kongressa, 8–10 oktyabrya 2003 g.* St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburskogo universiteta, pp. 57–61.

Gerasimov, I., Glebov, S., Mogil'ner, M. (Eds.). (2017). *Novaya imperskaya istoriya Severnoi Evrazii* [A New Imperial History of Northern Eurasia]. Kazan, Ab Imperio. 628 p.

Hagen, M. von. (2004). Imperii, okrainy i diaspory: Evraziya kak antiparadigma [Empires, Peripheries, and Diasporas: Eurasia as an Anti-Paradigm]. In *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*. Kazan, Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii, pp. 127–162.

Hoffmann, C. G. (1748–1749). *Sammlung von einigen wider die Herrnhuter ergangenen hohen Kayserlichen, Königlichen, Chur- und Fürstlichen, Reichsstädtischen, und andern Befehlen und Verordnungen. Bände 1–2*. Wittenberg, Zerbst, Verlegts Samuel Gottfried Zimmermann.

Kapitulyatsiya s pastorem i prepodavatelem latinskogo yazyka Tobiasom Plichnikom [The Service Contract with Pastor and Latin Teacher Tobias Plashnig]. (2015). In Fedyukin, I., Lavrinovich, M. (Eds.). “Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...”. *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 297–298.

Keller, M. (Hrsg.). (1987). *Russen und Russland aus deutscher Sicht. Bd. 2. 18. Jahrhundert. Aufklärung*. München, Fink. 682 S.

Lenz, W., Welding, O., Amburger, E., Krusenstjern, G. von. (Hrsg.). (1970). *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710–1960*. Köln, Wien, Böhlau. In *Baltisches biografisches Lexikon digital (2012–)* [website]. URL: <https://bbld.de/> (accessed: 20.08.2023).

Mettele, G. (2010). Identities Across Borders: The Moravian Brethren as a Global Community. In Strom, J. (Ed.). *Pietism and Community in Europe and North America, 1650–1850*. Leiden, Boston, Brill, pp. 155–177.

Meyer, D. (2000). *Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine: 1700–2000*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht 175 S.

Peucker, P. (2010). Pink, White, and Blue: Function and Meaning of the Colored Choir Ribbons with the Moravians. In Strom, J. (Ed.). *Pietism and Community in Europe and North America, 1650–1850*. Leiden, Boston, Brill, pp. 179–197.

Pisarenko, K. A. (2010). Vstupitel'nyia stat'ya. Pamyatnaya zapiska o zavershenii avstro-russkogo konflikta iz-za dela markiza Botty, 1744 g. [Introduction. A Memorandum on the Completion of the Austro-Russian Conflict Induced by the Marquis de Botta Case, 1744.]. In *Rossiiskii Arkhiv. Istoriya Otechestva v svidel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Iss. 19. Moscow, Studiya “TRITE”, pp. 9–18.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 7. List 1. Dos. 1195. Parts 1–2.

Rieber, A. (2004). Menyayushchiesya kontseptsii i konstruktivnyy frontira: sravnitel'no-istoricheskii podkhod [The Changing Notions and Constructions of the Frontier: A Comparative-Historical Approach]. In *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*. Kazan, Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii, pp. 199–222.

Rjeoutski, V., Gouzevitch, D. (Eds.). (2019). *Inostrannyye spetsialisty v Rossii v epokhu Petra Velikogo. Biograficheskii slovar' vykhodtsev iz Frantsii, Vallonii, frankoyazychnykh Shveysarii i Savoi: 1682–1727* [Foreign Specialists in Russia during the Epoch of Peter the Great. A Biographical Dictionary of Nationals of France, Wallonia, French-Speaking Switzerland, and Savoy: 1682–1727]. Moscow, Lomonosov”. 798 p.

Romanovich-Slavatinskii, A. V. (1912). *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava: svod materialov i priugotovitel'nye etyudy dlya istoricheskogo issledovaniya* [The Nobility in Russia from the Early 18th Century to the Abolition of Serfdom: A Collection of Materials and Preparatory Sketches for a Historical Study]. Kiev, Pechatnya S. P. Yakovleva. 578 p.

Ryazhev, A. S. (2016). Missionerskaya rabota pietistov i gerngutеров v pervoi polovine XVIII v.: plany v otnoshenii rossiiskogo buddizma [The Missionary Work of Pietists and Herrnhut Brethren in the First Half of the 18th Century: Some Plans Concerning Russian Buddhism]. In *Velikie evraziiskie migratsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 11–14 oktyabrya 2016 g.* Elista, Izdatel'stvo Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 407–414.

Teigeler, O. (2006). *Die Herrnhuter in Russland: Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. 726 S.

Winter, E. (1953). *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin, Akademie Verlag. 502 S.

Wirtschaftler, E. (2013). *Religion and Enlightenment in Russia. The Teachings of Metropolitan Platon*. DeKalb, NIU Press. 200 p.

Zutis, Ya. Ya. (1946). *Ostzeiskii vopros v XVIII veke* [The Baltic Question in the 18th Century]. Riga, Knigoizdatel'stvo i tipografya No. 2 VAP. 649 p.

The article was submitted on 03.08.2022